

А.Ю. Низовский
A. Yu. Nizovsky

**ПАМЯТНИК 7-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ И ЕГО АВТОР —
АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ДРОЗДОВСКИЙ**

**MONUMENT TO THE 7th INFANTRY DIVISION
ON THE BORODINO FIELD AND ITS AUTHOR —
ALEXANDER VLADIMIROVICH DROZDOVSKY**

В статье на основе архивных документов воссоздается биография Александра Владимировича Дроздовского — автора памятника 7-й пехотной дивизии на Бородинском поле. Приводятся сведения о системе художественных образов, воплощенных им в памятнике 7-й пехотной дивизии, и о некоторых обстоятельствах создания этого памятника. В поисках архитектурного прообраза памятника на Бородинском поле проводятся параллели между ним и архитектурным обликом башен Тульского кремля. Сведения об А.В. Дроздовском — участнике русско-японской и Первой мировой войн, активном деятеле Тульской губернской ученой архивной комиссии, впервые вводятся в научный оборот.

The article, based on archival documents, provides a biography of Alexander Vladimirovich Drozdovsky, the author of the monument to the 7th Infantry Division on the Borodino field. The article contains information about the system of artistic images embodied by him in the monument to the 7th Infantry Division, and on some circumstances of the creation of this monument. In search of an architectural prototype of the monument on the Borodino field, parallels are drawn between it and the architectural appearance of the towers of the Tula Kremlin. Information about A.V. Drozdovsky, a participant in the Russian-Japanese and World War I, an active figure in the Tula provincial scientific archival commission, is introduced into scientific circulation for the first time.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., памятники Бородинского поля, 7-я пехотная дивизия, Дроздовский Александр Владимирович.

Keywords: The Patriotic war of 1812, monuments of the Borodino field, 7th Infantry Division, Alexander Vladimirovich Drozdovsky.

Памятник 7-й пехотной дивизии генерал-майора П.М. Капцевича на Бородинском поле находится к югу от деревни Горки, на небольшом возвышении за ручьем Стонец. Этот памятник резко отличается своим внешним видом от всех других памятников Бородинского поля. Местные жители называют его «башней». На главном, западном фасаде памятника внизу прикреплена табличка с надписью «Проект 11-го пех[отного]. Псковского полка Ш[табс-]К[апитана] Дроздовского». Таким образом, авторство памятника не вызывает сомнений, хотя полное имя автора известно далеко не многим: в большинстве публикаций о памятниках Бородинского поля фигурирует только его фамилия, в некоторых — фамилия с инициалами «А.В.», и лишь отдельные авторы приводят полные имя и отчество Дроздовского: Александр Владимирович. Отыскать какие-либо другие сведения о нем в опубликованной до настоящего времени литературе невозможно.

Данная публикация представляет собой попытку восстановить биографию А.В. Дроздовского и обстоятельства создания им памятника 7-й пехотной дивизии. Источниками для этого послужили документы, выявленные в фондах Российского Государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Тульской области, Российского Государственного исторического архива, Центрального Государственного архива г. Москвы и Российского Государственного архива древних актов.

Александр Владимирович Дроздовский, сын коллежского асессора, родился 19 августа 1872 г. в Витебской губернии¹. В дальнейшем его семья переехала на Южный Урал. А.В. Дроздовский окончил 3-классное городское училище в г. Златоусте, после чего вступил в военную службу рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го разряда в 10-й пехотный Новоингерманландский полк, в списки которого зачислен 24 августа 1891 г. В течение первого года службы он был произведен в ефрейторы, затем выдержал соответствующее испытание при учебной команде, и 1 ноября 1892 г. был произведен в младшие унтер-офицеры.

21 августа 1893 г. А.В. Дроздовский был командирован в Казанское пехотное юнкерское училище для прохождения курса наук. По окончании училища по 1-му разряду переименован в подпра-

порщики и 10 августа 1895 г. отправлен в свой полк. Высочайшим приказом 2 декабря 1895 г. он был произведен в подпоручики с переводом в 11-й пехотный Псковский генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк, с 1893 г. постоянно дислоцировавшийся в Туле. 19 декабря 1895 г. А.В. Дроздовский прибыл в полк и был зачислен в его списки. С этого времени его жизнь на долгие годы оказалась связана с этим полком и с Тулой.

4 июня 1904 г. А.В. Дроздовский в чине поручика вместе со своим полком отправился на театр военных действий в Манчжурию. С 1 июля 1904 г. он находился в составе действующих против Японии войск. В бою 6 октября 1904 г. он был тяжело, с потерей сознания, контужен пролетевшим вблизи бризантным снарядом («шимозой»). Его направили в госпиталь в Харбине, но состояние контуженного улучшалось медленно, и 14 ноября 1904 г. А.В. Дроздовского пришлось эвакуировать в Россию. Последствия контузии сказывались на нем еще долгие годы спустя. Несмотря на это обстоятельство, А.В. Дроздовский продолжил военную службу. 1 ноября 1904 г. он был произведен в штабс-капитаны, в разное время занимал должности начальника учебной команды, командовал ротой, успешно окончил курс практического обучения саперному делу. За отличие в боях русско-японской войны А.В. Дроздовский был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», 31 января 1910 г. пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени.

В связи с приближающимся 100-летним юбилеем Отечественной войны 11-й пехотный Псковский полк, «вечным шефом» которого являлся генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов², выступил инициатором постановки на Бородинском поле памятника 7-й пехотной дивизии, в составе которой полк в 1812 г. участвовал в достопамятном сражении. Было «решено войти в сношение с Московским, Софийским и Либавским полками, входившими ранее в состав одной и той же дивизии с Псковским полком в 1812 г., по вопросу о постановке одного общего памятника»³. Два других полка, в 1812 г. входивших в состав 7-й пехотной дивизии — 111-й пехотный Донской (в 1812 г. — 11-й егерский) и 144-й пехотный Каширский (в 1812 г. — 36-й егерский), особого энтузиазма в этом отношении не проявили. Донской пехотный полк выразил лишь желание участвовать в сооружении одного общего памятника на Бородинском поле отчислением 100 рублей из хозяйственных сумм⁴.

Выполнение технических и художественных работ по созданию памятника 7-й пехотной дивизии было возложено на Александра Владимировича Дроздовского. К работе над проектом памятника он приступил в ноябре 1911 г. 6 ноября 1911 г. А.В. Дроздовский был командирован в Москву для работы в столичных архивах, официально — «для пополнения истории полка». 11 ноября 1911 г. А.В. Дроздовский подал на имя заведующего Московским отделением общего архива Министерства императорского двора⁵ оплаченное гербовым сбором прошение о разрешении ему работать в названном архиве вместе с командированным с ним для переписки полковым писарем Василием Болзиковым⁶. Испрашиваемое разрешение было дано ему 10 декабря 1911 г. «при соблюдении <...> установленного для занимающихся в названном архиве порядка»⁷. Архивная командировка А.В. Дроздовского продолжалась до 1 мая 1912 г.⁸. По-видимому, в период этой командировки и на основе собранных в ходе ее материалов им и был разработан проект памятника 7-й пехотной дивизии на Бородинском поле, приуроченный к предстоящим юбилейным торжествам.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сохранились эскиз первоначального варианта памятника, с подписью «А. Дроздовский. 1912»⁹, а также описание его окончательного варианта, которое, по существу, представляет собой пояснительную записку к проекту¹⁰. Несмотря на то, что последний документ анонимен, несомненно, что он включает в себе авторскую концепцию памятника. Данный документ нельзя считать совершенно неизвестным: в сокращенном виде и в несколько иной редакции он приводится в книге В.А. Ашика «Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I»¹¹. В этой же книге опубликована фотография памятника 7-й пехотной дивизии, датированная 1912 г.; отпечаток данной фотографии также выявлен в ГАРФ¹².

По замыслу автора проекта, памятник предстояло возвести «там, где по первоначальной диспозиции Кутузова должен был быть центр, а в бою 26 августа 1812 г. был правый фланг русских» — на высоте к юго-западу от деревни Горки, за ручьем Стонец: «Здесь 7-я пехотная дивизия мужественно задержала неудержимый натиск французов до поздней ночи не отдала ни пяди занимаемой позиции. Отсюда ходила

неоднократно на батарею Раевского в помощь 26-й дивизии и стойко выдержала ряд стремительных кавалерийских атак, оставивших за ней историческое наименование „бесподобной пехоты“»¹³.

Разрабатывая проект памятника, А.В. Дроздовский стремился решить три главных задачи:

1). Чтобы памятник этот был «в стиле самобытного, чисто русского зодчества, так мало знакомого и мало-помалу исчезающего».

2). Чтобы он являлся «выразителем шири, стойкости и силы русской, о которой разбилась натиск двенадцати языков».

3). Чтобы памятник не терялся на широком просторе Бородинского поля¹⁴.

По мнению автора проекта, этим задачам лучше всего удовлетворяла форма башни одного из русских кремлей, но не московского. А.В. Дроздовский считал, что на Московском Кремле «более всего отражалось влияние византийского зодчества»¹⁵. С его точки зрения, простому, строгому стилю древнерусской архитектуры более отвечали кремлевские башни других городов — Нижнего Новгорода, Тулы, Ростова, Смоленска: «Эти широкие, простые и мощные башни как нельзя более отвечают основной идее памятника на Бородине — дать воплощение мощи, стойкости и русской шири необъятной»¹⁶. Если говорить о кремлях в Ростове и Смоленске, то их художественная связь с памятником на Бородинском поле маловероятна. А вот что касается кремлей Нижегородского и Тульского, то здесь можно попытаться отыскать аналогии.

Наиболее вероятным представляется, что работая над проектом памятника, А.В. Дроздовский вдохновлялся образами хорошо знакомого ему Тульского кремля. Прямые параллели с памятником 7-й пехотной дивизии усматриваются в образе Пятницкой башни Тульского кремля. В настоящее время после реставрации она приобрела деревянную шатровую кровлю, но в начале XX в. этой кровли не было¹⁷, и башня имела вид, значительно приближающий ее к образу памятника на Бородинском поле.

Близкие архитектурные черты усматриваются и в образах башен Одоевских и Водяных ворот Тульского кремля.

В первоначальном варианте памятника башня не играла самостоятельной роли. Ей отводилась роль пьедестала для монументальной фигуры М.И. Кутузова. При этом декоративное оформление

главного (западного) фасада сводилось к минимуму¹⁸. Первоначальный вариант памятника не предусматривал также наличия входа. Но от этого варианта автор в итоге отказался, и концепция башни-пьедестала сменилась концепцией башни-часовни¹⁹. Таким образом, башня приобрела самостоятельное значение, и автор обратился к детальной разработке ее декоративного оформления.

Образцом для декоративного оформления башни-памятника послужил декор Успенского собора в Московском Кремле, но от него, как пояснял автор проекта, «взята лишь схема расположения орнамента, а самый стиль его, как нерусский, заменен или чисто русскими, или военными эмблемами»²⁰. Так, аркатурно-колончатый пояс, который А.В. Дроздовский считал романским по стилю, заменен старой русской вязью. Образец этой вязи взят им из заголовка писцовой книги Веневского уезда 1627/1628 гг.²¹. Этой вязью на памятнике изображены названия полков 7-й пехотной дивизии.

Икона, находящаяся над входом в Успенский собор Московского Кремля, над входом в башню заменена батальной картиной, изображающей подвиг 7-й пехотной дивизии в Бородинском сражении. Под ней приведен текст из рапорта Барклая де Толли: «Неприятельская конница, получив подкрепление своих резервов, зашла совершенно в тыл 7-й пехотной дивизии, но сия бесподобная пехота ни мало не расстроиваясь, приняла неприятеля сильным и деятельным огнем и неприятель был расстроен». Картина изображает каре 7-й дивизии и несущуюся на нее французскую кавалерию: «передние части кавалерии замешались, а грозное неподвижное каре непоколебимо»²². Образцы униформ для этой картины заимствованы из популярной на рубеже XIX–XX вв. книги немецкого художника-баталиста Рихарда Кнёттеля «Uniformkunde»²³; местность, на которой разворачиваются события боя, изображена по фотографиям²⁴.

В зубцах башни вделаны увеличенные в 20 раз майоликовые²⁵ изображения полковых юбилейных знаков всех шести полков, составивших в 1812 г. 7-ю пехотную дивизию — Псковского, Московского, Софийского, Либавского, 111-го пехотного Донского (бывший 11-й егерский) и 144-го пехотного Каширского (бывший 36-й егерский).

Во втором ярусе западного фасада вделана точная копия иконы Смоленской Божией Матери, бывшей с войсками в походе и в Бородинском сражении. По бокам и внизу иконы — юбилейные даты

«1812», «1912» и «26/VIII». Рисунок цифр для них, по словам описания, взят с пуговиц, найденных на Бородинском поле»²⁶. По всей видимости, здесь имеются в виду либо французские мундирные пуговицы, либо русские пуговицы образца 1829–1862 гг., поскольку до 1829 г. мундирные пуговицы в русской армии были гладкими²⁷.

В полу площадки, образуемой пьедесталом памятника и углублением входа, изразцовыми плитками выложен план Бородинского сражения, демонстрирующий расположение русских и французских войск в один из самых напряженных моментов битвы. Автор проекта указал время события — между 11-ю и 13-ю часами 26 августа 1812 года²⁸.

В боковые фасады башни вделаны доски «под красный мрамор», на которых золотом были написаны фамилии 95 офицеров 7-й пехотной дивизии, убитых, раненых, без вести пропавших и отличившихся в Бородинском бою, и приводились цифры потерь нижних чинов в каждом полку. К настоящему времени эти надписи восстановлены, но уже не золотом.

Тыльный (восточный) фасад башни декорирован большим черным крестом. Моделью для него послужил крест, находившийся в иконостасе Преображенского собора московского Алексеевского, что в Чертолье, монастыря, располагавшегося на месте храма Христа Спасителя. Пояснительная записка отмечает, что «из церковной летописи видно, что крест этот был сооружен в царствование Ивана Васильевича Грозного». Найти изображение этого креста в опубликованных изданиях пока не удалось. Можно только заметить, что собор Алексеевского монастыря был построен в 1633–1634 гг. на месте своего сгоревшего предшественника, и неясно, можно ли в действительности относить этот крест к эпохе Ивана Грозного.

Под крестом в так называемой «голке» черными буквами помещена надпись: «Упокой Господи души раб Твоих за веру, Царя и Отечество живот свой на сем поле брани положивших воинов... [далее следуют имена павших]». За образец начертания букв взят устав «Изборника Святослава» 1073 г.²⁹

В верхнем ярусе этой же части башни помещен лепной орел — «не геральдический, а обыкновенный, расправляющий крылья к полету»³⁰. В настоящее время он черного цвета, но изначально был (или должен был быть) вызолоченным³¹. По словам автора проек-

та, «помещен он здесь в воспоминание известного эпизода во время прибытия Кутузова к войскам»³². Речь идет о часто цитируемом фрагменте из опубликованных в 1839 г. воспоминаний Ф.Н. Глинки о появлении парящего орла над позициями русской армии в канун Бородинского сражения: «...Несколько голов поднялись кверху и слышалось: “орел парит!” Главкомандующий взглянул вверх, увидел плавающего в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали: ура! и этот крик повторился всем войском. Орел продолжал плавать; семидесятилетний вождь, принимая доброе предвестие, стоял с обнаженною головою»³³.

Такова система художественных образов, воплощенных А.В. Дроздовским в памятнике 7-й пехотной дивизии.

Как говорилось выше, в создании памятника приняли участие четыре из шести полков бывшей 7-й пехотной дивизии: 2-й Софийский, 6-й Либавский, 11-й Псковский и 65-й Московский³⁴. Непосредственно вопросами создания памятника ведал Псковский полк. Общее соглашение между полками было достигнуто к середине февраля 1912 г. (рапорт командира Псковского пехотного полка от 17 февраля 1912 г.)³⁵, памятник был заказан к началу марта того же года (рапорт командира Псковского пехотного полка от 2 марта 1912 г.)³⁶. Первоначальное место для установки памятника юбилейная комиссия определила как «между селом Семеновским и Центральной батареей»³⁷. Однако по крайней мере до конца мая ряд вопросов оставался нерешенным; поскольку в соответствии с высочайшим повелением сооружение памятников на Бородинском поле было приостановлено. Командир Псковского полка полковник М.И. Тяжельников 22 мая 1912 г. рапортовал в штаб Московского военного округа: «Предельная высота памятника-часовни от полков бывшей 7-й дивизии 12 аршин. Точные размеры в данное время сообщены быть не могут, так как вследствие запрещения постройки переписка с полками этой дивизии о сооружении памятника была приостановлена; в настоящее время окончательные ответы получены еще не от всех полков, и размеры суммы на постройку памятника, от чего зависит его высота, не выяснена»³⁸.

Как бы то ни было, все затруднения были преодолены, и памятник 7-й пехотной дивизии в своем окончательном виде и на окончательно определенном месте был сооружен и открыт летом 1912 г.

На юбилейные торжества прибыли делегации от всех четырех полков, участвовавших в создании памятника. 11-й пехотный Псковский полк представляли автор памятника — штабс-капитан А.В. Дроздовский, командир полка полковник М.И. Тяжелников, капитан Н.И. Благоволин и взвод солдат (без полкового знамени)³⁹.

В заключение следует сказать несколько слов о дальнейшей биографии А.В. Дроздовского.

В период работы над проектом памятника, и даже еще ранее, последствия полученной им на войне контузии стали все более заметно сказываться на его здоровье. У него начал снижаться слух, появилась сильная утомляемость, он страдал бессонницей и мучительными головными болями, сопровождавшимися обмороками и удушьем, часто без всяких к тому причин впадал в крайнюю раздражительность. Порой его одолевали безотчетные страхи, и он даже всерьез опасался потерять рассудок⁴⁰. 28 ноября 1912 г. А.В. Дроздовский был вынужден обратиться с рапортом об увольнении от службы за болезнью⁴¹. Просьба его была удовлетворена, и 31 декабря 1912 г. он был уволен от службы в чине капитана с мундиром и пенсией в размере 648 р. в год, и с зачислением в пешее ополчение по Тульской губернии⁴².

Выйдя в отставку, А.В. Дроздовский жил в Туле. Он был женат (с 16 апреля 1900 г.) на Екатерине Николаевне Кнерцер (род. 20 ноября 1873 г.), дочери Николая Андреевича Кнерцера, врача семьи Льва Толстого. В семье Дроздовских было двое детей — дочь Екатерина (род. 6 октября 1904 г.) и сын Борис (род. 12 июня 1910 г.).

В 1912 г. А.В. Дроздовский стал членом созданной в ноябре того же года Тульской губернской ученой архивной комиссии (ТГУАК). В Государственном архиве Тульской области сохранились два письма А.В. Дроздовского, адресованные председателю этой комиссии, Василию Сергеевичу Арсеньеву⁴³. В одном из них, от 11 апреля 1913 г., А.В. Дроздовский сообщает В.С. Арсеньеву о своем намерении ехать в Москву на торжества, связанные с 300-летием дома Романовых: «Обращаюсь к Вам с большой просьбой: я надумал ехать на торжества в Москву, будьте добры узнать, имею ли я на это право и когда, как и где получать для этого билеты и пр. Я в Москве никого не знаю, и потому сам не решаюсь обратиться в депутатское собрание, ибо полагаю, что там не до меня... Желание пое-

хоть в Москву у меня вызвало особенно сведение газет о приезде к торжествам патриарха⁴⁴, что было бы любопытно посмотреть»⁴⁵. Судя по тональности писем, А.В. Дроздовского и В.С. Арсеньева связывали дружеские отношения и общие интересы. В.С. Арсеньев являлся членом ряда обществ и учреждений, участвовавших в подготовке 100-летнего юбилея войны 1812 г. — Московского археологического института, кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, Русского военно-исторического общества. В августе 1912 г. он в составе депутации кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года принимал участие в юбилейных торжествах на Бородинском поле. Учитывая сферу деятельности В.С. Арсеньева, нельзя исключать, что он в какой-либо форме оказал содействие А.В. Дроздовскому в работе над проектом памятника 7-й пехотной дивизии.

С началом Первой мировой войны А.В. Дроздовский был вновь призван на службу в прежнем чине штабс-капитана и 8 августа 1914 г. зачислен в 522-ю пешую Тульскую дружину. 19 сентября 1914 г. он был перемещен на службу в 77-й пехотный запасный батальон, квартировавший в Туле, где сперва занимал должность младшего офицера 1-й роты, а с 3 декабря 1914 г. — начальника учебной команды. После того, как 12 апреля 1916 г. 77-й пехотный запасный батальон был переформирован в полк, А.В. Дроздовский стал командиром его 2-го батальона. 2 сентября 1915 г. за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами военного времени, он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, 19 января 1916 г. за выслугу лет произведен в капитаны⁴⁶.

Командование неизменно давало А.В. Дроздовскому отличные аттестации. Из аттестации 1915 г.: «Трудолюбив, самолюбив, корректен и честен. Любит службу и знает ее. Всесторонне развит, много читает военной литературы. Отличный товарищ, враг кутежей и карточной игры. Отличный начальник учебной команды. Нижние чины, окончившие курс учебной команды под руководством капитана Дроздовского, всегда обладали твердыми, ясными знаниями и смело могли занимать место учителей нижних чинов»⁴⁷.

Из аттестации 1916 г.: «Умственно развит превосходно, дисциплинирован, по отношению к начальству очень корректен. Товарищами уважаем, любим. Интересуется новейшей военной литера-

турой <...> По знанию службы служит прекрасным примером для младших офицеров и подчиненных. Был отличным начальником учебной команды, а после переформирования батальона в полк стал отличным батальонным командиром»⁴⁸.

Несмотря на занятость по службе, А.В. Дроздовский в течение 1914–1915 гг. регулярно участвовал в заседаниях Тульской губернской ученой архивной комиссии. В рамках ее деятельности он занимался вопросами организации в Туле музея войны 1914 г., 15 января 1915 г. на очередном заседании комиссии выступил с докладом о создании Всероссийской ратной книги⁴⁹, а на заседании 10 февраля 1915 г. был избран членом Совета ТГУАК⁵⁰.

12 июня 1916 г. А.В. Дроздовский был переведен в 200-й пехотный запасный полк, но уже спустя три недели получил новое назначение — в 231-й пехотный запасный полк, куда прибыл 14 июля того же года и был назначен на должность командира 3-го батальона. 19 августа его судьба вновь переменилась: А.В. Дроздовского направили в распоряжение начальника 63-й бригады государственного ополчения для назначения в одну из дружин, расквартированных в Москве. 22 августа он стал командиром 3-й роты 664-й пешей Полтавской дружины государственного ополчения, спустя два дня его назначили руководителем офицерских занятий в дружине.

На новом месте службы А.В. Дроздовский также аттестовался очень хорошо. Только за сентябрь — ноябрь 1916 г. ему было объявлено шесть благодарностей в приказах по дружине⁵¹. 27 января 1917 г. он был представлен к награждению чином подполковника «за умелое, напряженное и энергичное обучение ратников стрелковому и строевому образованию и по воспитанию их в духе преданности государю, за отличное руководство и постановку офицерских занятий»⁵². Дальнейшая судьба А.В. Дроздовского пока не установлена; есть надежда, что последние страницы его биографии все же будут дописаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно некоторым косвенным данным — возможно, в г. Себеж.

² М.И. Кутузов являлся шефом Псковского пехотного полка в 1799–1813 гг. 17 августа 1826 г. «в уважение к памяти и заслугам генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова» полку было повелено именоваться пехотным генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского. 28 января

1833 г. полк был переименован в Псковский егерский, но 17 апреля 1856 г. ему было возвращено прежнее наименование, а с 19 марта 1857 г. полк стало именоваться Псковским пехотным генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского.

³ ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 25. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 36 об.

⁵ Московское отделение Общего архива Министерства императорского двора (Московский дворцовый архив) ведет свою историю от архива Оружейной палаты. В 1869 г. на основе архива Оружейной палаты и архива Московской дворцовой конторы был образован Московский дворцовый архив, размещавшийся в Троицкой башне Московского Кремля. После того, как в 1888 г. был создан Общий архив Министерства императорского двора, Петербургский и Московский дворцовые архивы стали его отделениями.

⁶ РГИА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1526. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 1052. Л. 20

⁹ ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 623.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Машинопись, копия.

¹¹ *Ашик В.А.* Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. СПб, 1913. С. 353–357.

¹² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 420. Нельзя не отметить тот факт, что выше-названные изобразительные материалы (эскиз, фотография), связанные с памятником 7-й пехотной дивизии, отложились в архивных фондах высочайших особ — императора Николая II и великого князя Александра Михайловича.

¹³ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 1 об.

¹⁷ Судя по всему, А.В. Дроздовский вообще был убежден, что башни кремлей в Нижнем Новгороде, Туле и Смоленске изначально являлись «безверхушечными», и это, по его мнению, более соответствовало стилю древнерусской архитектуры, в отличие от «византийского» Московского Кремля (ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Л. 1 об).

¹⁸ ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 623. На эскизе указана дата — 1912 г.

¹⁹ Строго говоря, считать часовней (т. е. сооружением религиозного назначения) памятник 7-й пехотной дивизии нельзя. Однако в цитируемой пояснительной записке он один раз действительно назван часовней, часовней он неоднократно именуется и в изданиях позднейшего времени.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Л. 1 об.

²¹ В настоящее время хранится в РГАДА (Ф. 1209. Оп. 1. Д. 52. Пис-

цовые и межевые книги Веневского уезда писцов кн. Р.Ф. Болховского и И.А. Загряжского. 1627 г. Л. 1).

²² ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Л. 1 об.

²³ *Knötel R. Uniformkunde. Lose Blätter zur Entwicklung der militärischen Tracht.* Rathenow, 1890. Автор цитируемого текста переводит название этой книги как «Обмундирование всех армий».

²⁴ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Л. 1 об.

²⁵ Автор пояснительной записки именует их «эмалевыми».

²⁶ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Л. 1 об.

²⁷ *Низовский А.Ю.* Русские форменные пуговицы, 1797–1917. М., 2010. С. 183.

²⁸ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 228. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 1 об.–2.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ *Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 г.). Ч. 1. М., 1839. С. 39.

³⁴ *Ашик В.А.* Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. СПб, 1913. С. 355.

³⁵ ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 25. Л. 3 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Русский инвалид. 1912. № 34 (14 февраля).

³⁸ ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 50. Л. 2–2 об.

³⁹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 187. Л. 186.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 1052. Л. 12–13.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² РГВИА. Ф. 409. п/с 106-841 1916 г.

⁴³ Василий Сергеевич Арсеньев (1883–1947) — чиновник ведомства внутренних дел, с августа 1910 г. служил в Туле. Историк, генеалог, активный член ряда центральных и местных научных обществ, в т. ч. Московского археологического института, кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, Русского военно-исторического общества, Русского генеалогического общества, историко-родословного общества в Москве, Тульской палаты древностей, тульского отделения Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины и др. Один из организаторов Тульской губернской ученой архивной комиссии.

⁴⁴ Речь идет об Антиохийском патриархе Григории IV, в 1913 г. приехавшим в Москву и Санкт-Петербург на торжества, связанные с 300-летием дома Романовых.

- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113. Л. 134–135 об.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130663. Л. 5 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 6 об.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 11, 71.
- ⁵⁰ Там же. Л. 150, 163.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130663. Л. 8–8 об.
- ⁵² Там же. Л. 1.